

Еще более интересен образ царицы Марьи, столь туманный в наших летописях, которые упоминают о ней только в казенных сухих фразах. Монастырская братия во главе с игуменом провожает ее до царских врат, и она «во вратах монастырских» начинает упрашивать «сокрушенным сердцем», чтобы монахи молились о даровании ей ребенка, «о устроении земstem и о тишине и о мире».

Из дальнейшего изложения выявляется, что такое моление было вполне уместным в тревожной обстановке, сложившейся весной 1564 г. Из Переяслава царь отправился в Александрову слободу, из слободы в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда к Можайску, не заезжая в столицу. Это вызвано было слухами о приближении литовского войска во главе с королем Сигизмундом Августом. Однако литовское войско повернуло вспять, и царь вернулся из Можайска в Москву. «В то же время быша многи скорби християнскому народу от нахождения иноплемennых и от хлебнаго глада», — добавляет «Повесть».

Так, за описанием церковных празднований постепенно вырисовывается тревожная обстановка в связи с военными осложнениями и голодом. Вместе с тем становится ясным, что «внезапный» поворот к опричнине был далеко не внезапным. Подтверждается и участие в государственных делах царицы Марьи Темрюковны, заботившейся «о устроении земstem».

Крайне интересно сравнение «Повести» с летописным известием о поездке Ивана Грозного в Переяславль. По летописи, царь ездил в Переяславль 7 мая 1564 г. вместе с царицею Марьей, сыном Иваном и князем Владимиром Андреевичем. Из Переяслава он поехал в Троице-Сергиев монастырь и оттуда в Можайск. Однако, зачем Грозный ездил в Можайск, в летописи не объяснено, но это становится ясным из «Повести». Слухи о приближении польско-литовской армии во главе с самим королем, видимо, оказались ложными, и летописец оставил поэтому царскую поездку в Можайск без объяснения. Тем не менее возникновение таких слухов вполне понятно, так как 30 апреля к польскому королю бежал Андрей Михайлович Курбский.¹⁰ Очень интересны также сведения «Повести» о хлебном недороде и голоде. Эти сведения находят себе подтверждение в некоторых летописцах.

Крайне сложная и тревожная обстановка в Российском государстве, слухи о походе литовского войска, боязнь измены и заговоров со стороны Владимира Андреевича Старицкого, недавняя измена Курбского, хлебный голод и недород — все это в совокупности подготавливало решение Грозного о создании опричнины.

Здесь не место говорить об опричнине и ее значении, не место и ставить вопрос о личности Ивана Грозного, но следует отметить, что «Повесть» рисует Грозного и его вторую жену, царицу Марью, по живым свидетельствам современника. Правда, эти свидетельства тенденциозны. Царь Иван Васильевич выступает в нем в первую очередь как благодетель монастыря. Но зато крайне интересны отдельные определения автора, показывающие большую близость времени написания «Повести» к описываемым в ней событиям. Царица Марья Темрюковна названа в «Повести» «новопросвященною», высказывается удивление перед ее внезапным благочестием.

Митрополит Макарий назван «новопреставльшимся», тогда как митрополит Афанасий оказывается «новосвятейшим». Наконец, Александрова слобода названа «новой Александровой слободой». Этим указанием как будто разрешается спорный вопрос, вызвавший различные высказывания по поводу того, что надо понимать под «новым градом слободою», где

¹⁰ РИБ, том третий. СПб., 1876, стр. 222.